

С.М. МАРКЕДОНОВ

Донское казачество и Российская Империя **(История политических отношений)**

В период политической либерализации середины 80-х - начала 90-х годов проблема исторического наследия Российской Империи стала одной из наиболее дискуссионных. Был высказан широкий спектр мнений: от проклятий в адрес империи до изображения ее истории как некоего "золотого века" в духе Гесиода. На мой взгляд, сегодня перед объективным исследователем стоит задача преодоления эмоциональных оценок по отношению к империи и выявления на основе эмпирического материала того, что она дала той или иной социальной, этнической, конфессиональной группе российского общества и что отняла.

Из всех определений, данных империи в последние годы, представляется оптимальной дефиниция А. Кара-Мурзы. С его точки зрения, империя - это "интегративная форма, в которой возможно социальное сосуществование индивидов", она базируется на "универсальном принципе подданства". Империя объединяет людей для служения себе ("государева дела"), государство имеет тенденцию к "приобретению самодовлеющего статуса" [1]. Подобное определение, на мой взгляд, подчеркивает существенные, а не оценочные характеристики, а также позволяет не ограничивать историю Российской Империи ее "петербургским периодом".

В настоящей статье предполагается рассмотреть политические взаимоотношения Российской Империи и донского казачества (самого первого и самого крупного казачьего сообщества), показать их динамику, объяснить причины их эволюции. Хронологические рамки статьи - рубеж XVI века - 1917 год. Политические отношения казачества и Советской империи - комплекс самостоятельных исследовательских проблем (рассказывание, "возрождение" казачества), а потому в данной статье не рассматриваются.

"Казачи прошли на Кубань и Терек, перевалили с Ермаком Уральские горы и дошли до Амура и Великого океана", получили высочайше пожалованные знамена за усмирение "Астраханского возмущения" 1705 года, восстания 1849 года в Венгрии, императорскую грамоту за заслуги в "подавлении беспорядков" 1905 года, не раз доказав свою верность империи [21]. Вместе с тем именно казаки были инициаторами выступлений, потрясавших ее основы, ставивших ее на грань выживания, - Смутное время, восстания С. Разина, К. Булавина. Е. Пугачева. Активные создатели имперского здания - казаки в феврале 1917 года ничего не сделали для его сохранения. Верный слуга Российской Империи, генерал от кавалерии, георгиевский кавалер, донской атаман А. Каледин в своей предсмертной записке к генералу М. Алексею

Маркедонов Сергей Мирославович - аспирант исторического факультета Ростовского государственного университета.

29 января 1918 года писал: "Казачеству необходимы вольность и спокойствие: избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков", т.е. фактически признавал невозможным для казачества вести борьбу за "единую неделимую Россию", за восстановление разрушенной империи (цит. по [3]). Другой не менее верный слуга империи, И. Быкадоров, ставший в возрасте 35 лет полковником русской армии, георгиевским кавалером, получивший золотое оружие, оказавшись по окончании братоубийственной гражданской войны в эмиграции, пошел в своих высказываниях еще дальше: "Никакая власть российская (центральная) не сможет быть благой для казачества, какая бы она ни была: монархическая, кадетская (миллюковская), эсеровская (Керенского или Чернова) или евразийская" [4]. Как стали возможны подобные метаморфозы? Были ли они вызваны к жизни политической конъюнктурой или имели под собой мощный исторический фундамент? Для ответа на эти вопросы представляется необходимым обратиться к истокам установления политических отношений казачества и империи.

Вольное воинство

Как имперское (по своей сути, а не по названию) Российское государство сформировалось в период после завершения "собирания земель" Москвой, когда, по словам Г. Федотова, "Русь становится сплошной Московией, однообразной территорией централизованной власти..." [5]. В Московском государстве реализовался "универсальный надэтнический принцип подданства" [1], его выразил Иван Грозный: "Жаловать есмя своих холопов вольны, а и казнить вольны же". Позднее этот принцип еще четче сформулировал дьяк И. Тимофеев: "были бы безмолвны, как рабы" [7]. Собирание делов сопровождалось репрессиями по отношению к местным политическим элитам, которые "снимались" и уводились в Москву, а также гигантским переделом собственности. В Московском государстве утвердился такой социальный порядок, который предлагал человеку только две формы существования. "В старинной Руси мирские люди по отношению к государству делились на служилых и не служилых. Первые обязаны были государству службою воинскою или гражданскою (приказною), вторые - платежом налогов и отправлением повинностей. Обязанности этого рода назывались тяглом" [8, с. 542 j. Если служилые люди были прикреплены к государевой службе, то вторые - к "государевым слугам".

Одновременно с завершением "собирания земель" Москвой, формированием имперского государства на территории Северного Причерноморья сложилось военно-политическое сообщество, названное впоследствии Войском Донским. Так начался исторический путь казачества Дона. Кем же были первые казаки? Историк права М. Владимировский-Буданов так определил новый социум: "На Дону уже издревле (еще при существовании великого княжества Рязанского) выходцы из государства, большей частью недовольные новым государственным строем, основали свободные казацкие общины, ведя борьбу с татарами на свой страх и риск, и наконец в низовьях Дона сплотились в одну большую землю..." [9].

В течение долгого времени в отечественной историографии культивировалось положение о том, что основу донского казачества составили бежавшие от крепостничества крестьяне и холопы, более всего недовольные государственным строем Московской Руси. Данное утверждение базировалось на признании государства орудием классового господства. Однако в период завершения "собирания земель" Москвой хуже всего приходилось не крестьянам, а местным политическим элитам. Именно по ним была опричина. Прежде всего к службе прикреплены были дворяне и стрельцы, а потом уже крестьяне (окончательно в 1649 году). Для московских государей не существовало значительной разницы между думным дворянином и боярским холопом, а ревностная служба открывала перед последним значительные возможности. То есть недовольны "новым" (имперским) государственным строем Московской Руси были не только низшие сословия, хотя и их нельзя сбрасывать со счетов.

В донском казачестве оппозиционный государству элемент нашел свое спасение. Как верно отметил Н. Костомаров, "издавна в характере русского народа образовалось такое качество, что если русский человек был недоволен средою, в которой он жил, то не собирал своих сил для противодействия, а бежал, искал себе нового отечества" [8, с. 545]. Таким отечеством стал Дон. В. Ключевский писал: «В десятиях степных уездов XVI века встречаем заметки о том или другом захудалом сыне боярском: "Сбрел в степь, сшел в казаки"» [10]. В десятиях Рязска и Епифани в конце XVI века есть сведения о том, что многие дети боярские "сошли на Дон безвестно" или "сошли в вольные казаки с Василием Биркиным", боярским сыном [11].

Среди первых казаков встречаем людей с дворянскими фамилиями - Извольский, Мещерский, Воейков, Трубецкой. Рядом с ними путивльский служилый казак М. Черкашенин, люди совсем с недворянскими фамилиями - И. Нос, В. Жегулин. Известный впоследствии атаманский род Ефремовых вел свое начало от торговых людей, а род Красновых был в родстве с камышинскими крестьянами. На Дону обрели "новое отечество" и религиозные диссиденты, противники нововведений патриарха Никона. Войско Донское обладало демократическим устройством, проводило самостоятельную внешнюю политику.

Потеря служилых и тяглых людей, оппозиционность новому государственному строю, сформированному в ходе "собирания земель" Москвой, вызывали резко негативное отношение империи к Войску Донскому. В 1502 году князь Иван III указал снохе своей сестры, вдовствующей рязанской княгине Аграфене, чтобы она "велела казнити" всех тех, кто "пойдет самодурью на Дон в молодчество", грозя в противном случае самому казнить ослушников [12]. В дипломатической переписке с Османской империей и Крымским ханством в XVI-XVII веках Московские государи нередко характеризовали казаков не иначе как "всяких земель беглых людей", "воров, беглых людей, без государя... ведома" [14]. Со стороны Москвы в XVI-XVII веках по отношению к Войску Донскому нередко проводилась "политика кнута" (блокады конца XVI - начала XVII веков. 1630 года, середины 60-х годов XVII века). По мнению историка С. Сватикова, XVII век был периодом перманентных попыток Москвы ограничить самостоятельность Войска Донского [14].

В свою очередь, казаки не были обязаны службой государству, не приносили присяги ("крестного целованья") московским государям до 1671 года, не несли тягла. В отписке 1632 года царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету донцы сообщали: "И крестного целованья, государи, как и зачался Дон казачьи головами, не повелось" [15]. Во время военных действий в составе Московских ратей донцы не считали себя связанными какой-либо субординацией. В 1579 году во время Ливонской войны они ушли из состава русской армии из-под крепости Соколы, в 1633-м - из-под Смоленска, занятого поляками, в 1665 году - с "польской войны" и т.д. Ни слова о донских казаках не содержат наиболее значимые законодательные акты государства - Судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года. В Разрядной книге (документах тогдашнего военного ведомства) за весь XVI век всего несколько упоминаний о донцах! Это показывает, что казаки в то время были за пределами социального организма Московского государства.

Встает вопрос, почему же Москва, видевшая в казаках своих политических противников, желавшая урезать их "вольности", не спешила покончить с Войском Донским?

Появившись на территории Северного Причерноморья (в "Диком поле"), казачество с первых дней своего существования вело борьбу с турецко-татарской экспансией, закрывая с юга границы Московского государства. Казаки были фактически бесплатной военной силой Москвы, куда более эффективной, чем ее собственные вооруженные силы. Военная мощь казачества была чрезвычайно нужна Москве, отсюда интерес к Дону и его строптивым обитателям, поддержка жалованьем (хотя и нерегулярным), воинскими контингентами (особенно с середины XVII века). На всем протяжении исторической жизни казачества Дона империя видела в нем две стороны:

военную силу и стремление к политической независимости. Первая всячески поощрялась государством по принципу: "осел, груженный золотом, открывает любые ворота", а вторая подавлялась в моменты усиления имперского влияния в "Диком поле".

Что же в таком случае притягивало донских казаков к Москве, чьим политическим строем они были недовольны? Перманентная степная война с татарскими ордами, противостояние мощной Османской империи вызывали неутолимую жажду стабильности (особенно у казачьей политической элиты). Стабильность при покровительстве Москвы представлялась части казачества меньшим злом, чем свобода в условиях постоянных военных конфликтов. Однобокое экономическое развитие Войска Донского также требовало московской помощи.

Таким образом, "друзья-враги" - казачество и империя - были обречены на тесное сотрудничество, прерываемое нарушением *status quo* в Смутное время и восстанием С. Разина. Будучи не в силах противостоять одновременно двум империям - Московской и Османской, донское казачество в 1671 году приняло присягу на верность российским государям. Процесс инкорпорирования казачества в структуры империи начался.

Принеся присягу на верность Москве, потеряв право внешних сношений, казаки Дона, однако, до эпохи Петра Великого сохраняли больше прав, чем, например, украинцы. На Украине размещались русские гарнизоны, на Дону это произошло лишь после Азовских походов Петра 1695-1696 годов.

"Государевы слуги"

Решительный удар по политическим правам Войска Донского был нанесен Петром I, подчинившим в 1721 году казаков Военной коллегии, тем самым втиснув их в рамки социального организма империи, сделав "государевыми слугами". Подчинение донцов сопровождалось жестоким подавлением булавинского восстания, лишением их таких важнейших прав, как выборы атаманов (с 1723 года их стал утверждать царь), прием беглых ("с Дону выдачи нет"). Тем не менее включение казаков в число "государевых слуг", с точки зрения империи, было привилегией. Это положение возвышало казаков над массой тяглого неслужилого населения.

Основное содержание политики, начатой Петром I, состояло в лишении казаков демократических прав и традиций с законодательным оформлением их прав и обязанностей как служилого сословия Российской Империи, а также включением их в общую систему государственного управления. Эту политику продолжили его преемниками. Указом от 4 марта 1738 года атаман стал чином, жалуемым правительством, а в 1775 году был ликвидирован войсковой круг [16, т. X, № 7525]. Но краеугольным камнем процесса превращения "вольных казаков" в слуг империи стал закон Екатерины II от 24 мая 1793 года. Согласно этому документу, в основе своей определившему статус казачества Дона вплоть до февральской революции 1917 года, все донские земли были переданы Войску Донскому за его военные заслуги. Передача земли сопровождалась предоставлением права на беспощинную торговлю, исключительного права на рыбную ловлю, добычу соли на р. Маныч. Казаков освободили от государственных податей и повинностей [16, т. XII, № 17126]. Тем самым утрата демократических традиций была "компенсирована" существенными социально-экономическими привилегиями. Преобладавшая в период позднего средневековья "политика кнута" сменилась "политикой пряника". Законом 1793 года донское казачество было поставлено на высокое место в Российской Империи. Г. Потемкин писал, что те из крестьян, которые зачислены в казаки, "счастливы в новом своем звании, не будучи больше подвержены перемене помещиков" (цит. по [17]). Привилегированное положение казаков стало предметом зависти и мечтаний для российского крестьянства. Так, в манифесте от 31 июля 1774 года Е. Пугачев жаловал всех участников своего движения "вечно казаками" [18].

К концу XVIII века казачество Дона окончательно превратилось в служилое сословие Российской Империи, ставшее держателем своей земли на правах коллективного

помещика. Форма землевладения, обозначенная законом 24 мая 1793 года, была феодальной по сути. Сеньором выступало государство, предоставившее землю за военные заслуги и службу своему вассалу - донскому казачеству. Отличительной чертой было то, что сеньор и вассал были не частными лицами.

Однако, давая земли и привилегии Войску Донскому, империя требовала многолетней обязательной воинской службы. Если в XVI-XVII веках казаки Дона поддерживали вооруженные силы государства лишь тогда, когда им это было выгодно, то с первой четверти XVIII века их стали использовать во всех войнах, которые вела Россия на территориях, весьма удаленных от Дона, - в Прибалтике, Польше, Финляндии, на Дунае и на Балканах, а также для освоения Поволжья и Кавказа. Для империи казак подтверждал свой статус лишь отправляясь на военную службу. Вне службы он не мыслился. "Мирная" деятельность на стороне, мягко говоря, не приветствовалась. Известный донской писатель, депутат I Государственной Думы Ф. Крюков, выступая с думской трибуны с критикой правительственной политики в отношении донского казачества, констатировал следующее: "Всякое пребывание вне станицы, вне атмосферы начальственной опеки, всякая частная служба, посторонние заработки для него (т.е. казака. - С.М.) закрыты. Ему закрыт доступ к образованию, ибо невежество признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух..." [19, с. 11].

Важнейшим шагом империи по закреплению за казачеством статуса служилого военного сословия стали разработка и утверждение Положения об управлении Войском Донским (1835 год). Донское казачество провозглашалось "особым военным сословием", в которое был жестко ограничен доступ. За казаками оставались все дарованные в XVIII веке привилегии, но в то же время был четко установлен срок службы: 25 лет для казаков-дворян и 30 лет - для рядовых. Было существенно ограничено право селиться на войсковых землях лицам неказачьего происхождения [16, т. X, № 8163]. Положение 1835 года утверждало за "донскими казаками их исключительное положение как особой касты воинов - выход из которой и обновление поступлением новых членов было до крайности затруднено" [20]. Политика Российской Империи, направленная на создание из казаков особой "касты воинов", привела, по мнению донского общественного деятеля, историка В. Харламова, к "искусственной обособленности казачества", формированию у него неприязни к "иногородним", к русскому обществу" [19, с. 63].

Социальное положение казачества, достигнутое им с помощью империи в XVIII-XIX веках, позволило донскому историку и публицисту А. Карасеву в 1905 году охарактеризовать казаков как "крепостных Российской Империи" (цит. по [21, с. 365, 366]). Американский исследователь Б. Меннинг определил социальный статус донского казачества как "военные поселяне" (с 1832 года оно подчинялось департаменту военных поселений) [22].

Превращение казаков в "военных поселяне" было крайней точкой в процессе утраты ими былых прав и свобод. Но в то же время статус "крепостных империи" давал почетное положение, столь желанную в период позднего средневековья стабильность, а для донской старшины - возможность приобрести дворянство, войти в военно-политическую элиту империи.

Реликт сословного общества

Выполнив к середине XIX века задачу по превращению "вольного казачества" в военно-служилое сословие, Российская Империя подошла к следующей проблеме: как, осуществляя реформирование всего государственного здания, найти применение казакам. "Великие реформы" 60-70-х годов XIX века, завершившие эмансипацию сословий, начатую Указом о вольности дворянской 1762 года, способствовали движению империи по пути к рыночным отношениям, бессословному обществу. Перед властями встала нелегкая задача сохранить в новых условиях казачество.

Поскольку казачество рассматривалось империей прежде всего как военная сила,

"великие реформы" затронули его именно с военной точки зрения. Эти преобразования начали движение России к индустриальному обществу. Для него характерна военная организация, построенная на бессловном принципе, отсутствии феодальных ленов за службу, которая становится гражданской обязанностью, а не почетной привилегией. В данную схему не вписывалось казачество. Именно у военного министра Д. Милютина возникла идея призывать казаков Дона на службу на основаниях, общих для всех подданных империи. Тогда же, а не в годы гражданской войны, возник термин "расказачивание". Эти намерения вызвали политическую оппозицию среди донских казаков. Фрондерами были столь известные деятели, как генерал Я. Бакланов и публицист-историк И. Ульянов, не желавшие "записи казаков в драгуны".

Перед империей обозначались два пути - эволюционное расказачивание или сохранение на Дону косной социальной структуры. Второй был малоперспективен, но первый грозил самому имперскому фундаменту Российского государства. Поэтому был выбран второй путь. Военная реформа на Дону свелась лишь к сокращению срока службы до 20 лет. Каков был результат?

"Население множилось, земельный пай уменьшался, а культура не изменялась к лучшему, ибо капиталов извне не притекало, местными средствами создать их не было возможности, и не было перед глазами рациональных хозяйств", - такой итог подвел в 1884 году донской экономист и историк С. Номикосов [20]. Служба "за свой счет" разоряла казачьи хозяйства, что снижало интерес к ней. В 1897 году комиссия генерала Н. Маслаковца пришла к выводу, что только 21% казачьего населения находилось в экономических условиях, достаточно благоприятных для выполнения воинской повинности [23]. Последующие комиссии пришли к столь же неутешительным выводам.

Правительства Александра III и Николая II продолжали искусственно сохранять этот "остров" традиционализма в стихии индустриального общества. Они заботились лишь о дешевой военной силе, оказывая "медвежью услугу" казачеству Дона. Курс империи сводился к принципу: "не трогать сланное Войско Донское" и был поддержан консервативными элементами в самом казачестве. Но развитие новых экономических отношений вносило в него коррективы. Казачество стремительно размывалось. Появился слой "Мишек Кошевых" - люмпенизированных казаков, наметился отток (хотя и незначительный) части казачества в города, в среде самих казаков замечалось неприятие постоянных общинных переделов, стремление к полноценной частной собственности. Следствием "великих реформ" стало появление в казачьей среде своих Морозовых и Рябушинских в лице рода Парамоновых.

В конце XIX - начале XX века казаки в своих взглядах на перспективы разделились на традиционалистов и "западников". Традиционалисты считали "открытие" Войска Донского недопустимым, выступали сторонниками сохранения своеобразного "железного занавеса" для Дона: "В настоящее время в донских станицах беспрепятственно может жить всякий иногородний пришелец. Среди этих господ попадаются нередко экземпляры не только сомнительного поведения. Эти господа развращают и пропагандируют казачью молодежь" [24]. "Западники" считали необходимым разрешить казакам оставлять службу, заниматься наукой, искусством, открывать университеты. Они призывали ради будущего Дона отказаться от имперского подхода к казачеству только как к военной силе [21]. Однако и традиционалисты, и "западники" во всем винили империю. Первые за то, что она, начав реформирование общества, нарушила устои Войска Донского, нарушила исписанный закон "Дон - для донцов". Вторые критиковали имперский курс, нацеленный на сохранение косной социальной структуры Войска Донского, отказ от "огражданвания" казаков.

К началу XX века казачество перестало быть монолитом и в социально-экономическом, и в идейно-политическом плане. Военное сословие, перестающее быть монолитом, перестает быть надежной опорой имперского государства. Тем более что все противоборствующие группы казачества Дона объединяло недовольство империей. С началом первой мировой войны оно переросло в ненависть. Понеся многочисленные

потери в 1914-1917 годах, казачество, по словам одного из выдающихся военачальников и политических деятелей П. Краснова, к началу "русской смуты" желало только одного - "мира по телеграфу" [25]. Именно в годы Первой мировой войны в умах казаков сформировалась идея о самодостаточности Дона и казачества. Появились историко-мифотворческие труды, возводящие истоки казаков к эпохе античности, противопоставляющие Россию и Дон [26, 27]. Резко отрицательное отношение к империи подпитывали не только военные потери, но и социально-экономические проблемы - следствие политического курса, требовавшее "не трогать славное Войско Донское". К началу 1917 года 9% казачьих хозяйств вообще не имели скота, 16% остались без рабочего скота, 26% - без инвентаря [28]. Все казачество жаждало перемен, хотя пути движения к ним виделись разными: от политики "закручивания гаек" до стремления к самостоятельному политическому бытию Дона.

Нежелание империи изменить статус казачества как военной силы по преимуществу предопределило то, что в феврале 1917 года подавляющее большинство казаков если не положительно, то нейтрально отнеслись к известию о свержении монархии и отречении императора Николая II.

Февральская революция, начавшая крушение империи, немало дала казакам. Были предприняты шаги по изменению традиционного социального статуса донского казачества. Весной 1917 года Донской войсковой круг издал постановление "О воинской повинности казаков в мирное время", которое давало им право отбывать воинскую повинность "на общих для Российского государства основаниях, снаряжаясь, однако, на военную службу за счет Войска" [29]. Именно "февральский дух" привел к возрождению войскового круга первым с петровских времен свободным выбором атамана войска. Даже древнее казачье право "С Дону выдачи нет!" возродилось в новых условиях. Круг запретил атаману Каледину выезжать в Могилев для дачи, согласно правительственному предписанию (!), свидетельских показаний по "делу генерала Л. Корнилова".

Тем не менее ни Временное правительство, ни новые демократические казачьи органы власти, начавшие "бегство от империи", не обеспечили главного - "мира по телеграфу". Его дали казакам большевики, приобретя себе тем самым немало сторонников. Однако социальные преобразования большевиков, нацеленные на революционную ликвидацию сословий, в том числе и казачества, свержение "старого мира" (а казаки были в массовом сознании его олицетворением) делали в конечном счете невозможным долговременное единение казаков и большевиков, разводили их по политическим полюсам. Казаки, поддержавшие большевиков (например Ф. Миронов), вели борьбу против "старого мира", подразумевая именно борьбу с Российской Империей и всем тем, что она собой олицетворяла: мировую войну, разорительную службу и т.п. Основная же часть тех, кто вел борьбу с большевиками, не желала возвращения монархии и империи. Значительно меньшая часть стремилась к самостоятельному развитию Войска Донского как государства. В этом отношении показательное поведение атамана Краснова, создавшего фактически независимое государство - Всевеликое Войско Донское (со всеми атрибутами государства: флаг, герб, гимн, законодательство, вооруженные силы). Выступая на войсковом круге в августе 1918 года, один из казачьих атаманов заявил: "Россия? Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низость, ну и пушай... у нас своих делов не мало, собственных... Наш царь - Дон!..". В другом выступлении звучал призыв "защищать донскую землю, но не защищать царскую корону, не навязывать России когти царского орла" [30]. Не желавшие никакого разрыва с Россией политические деятели Дона в основной своей массе не хотели возрождать империю как тип государственного устройства.

Тот факт, что большевикам удалось одержать верх над Белым движением, во многом объясняется отсутствием единства в его рядах. В неприятии большевизма сложился неестественный союз сторонников реставрации империи - "единонеделимцев" и ее противников, к которым можно отнести казаков Дона, сполна вкусивших "плоды свободы" после февраля 1917 года.

Конфликт Донской и Добровольческой армий, взаимные обвинения генералов Краснова - атамана Всевеликого Войска Донского и А. Деникина - главнокомандующего Вооруженными силами юга России - примеры отсутствия единства антибольшевистских сил. Генерал П. Врангель, размышляя о причинах неудач "Белого дела", писал, что политика Добровольческой армии, направленная на сохранение в чистоте принципа "единой и неделимой России", привела к конфликту. "Лишь немного не хватило (белым войскам. - СМ.), чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями" (цит. по [31]). Гражданская война, завершившаяся победой большевиков, похоронила надежды и сторонников, и противников Российской Империи. В ходе братоубийственного противостояния зарождалась Советская империя. Но проблема политических отношений ее и донского казачества выходит за хронологические рамки работы, требует специального исследования.

* * *

Итак, политические отношения донского казачества и Российской Империи претерпели сложную эволюцию. В XVI - первой четверти XVIII века это были отношения противостояния, борьбы имперского государства с военно-политическим образованием, обладающим демократическим устройством, не желавшим подчиняться нормам обязательной службы, "государева дела". С XVIII века начался процесс инкорпорирования казачества в состав Российской Империи, его привлечение и прикрепление к "государеву делу". Победа империи над донским казачеством оказалась в конечном счете "пирровой". Права и привилегии, данные казачеству, не остановили порывов к свободе и самостоятельности, освобождению от тяжелого бремени - обязательной военной службы. В момент всеобъемлющего кризиса империи казачество Дона начало "бегство" от нее, оставив ее один на один с собственными проблемами. Оказавшись в 1917-1920 годах между двумя огнями - большевиками и монархистами-реставраторами, пытаясь в тяжелых условиях гражданской войны сохранить "островки свободы", казачество потерпело поражение. "Новая власть" оказалась имперской. История имперско-казачьих отношений начала в 1920 году новый виток...

Сегодня рано ставить точку в изучении политических отношений Российской Империи и донского казачества. Практическое решение "казачьего вопроса" должно опираться на всесторонне глубокое изучение исторической эволюции отношений государства (в нашем случае имперского по своей сути) и казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кара-Мурза А.А.* Россия в треугольнике "этнократия - империя - нация" // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2. М., 1995. С. 1.
2. *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. Т. 2. М., 1992. С. 195.
3. *Деникин А.И.* Поход и смерть генерала Корнилова. Ростов-на-Дону, 1989. С. 22.
4. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону, 1992. С. 103.
5. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 282.
6. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 26.
7. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951. С. 109.
8. *Костомаров Н.И.* Ермак Тимофеевич // Господство дома св. Владимира. М., 1993. С. 542.
9. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1900. С. 123.
10. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. III. М., 1988. С. 99.
11. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899. С. 101.
12. *Мининков И.А.* Донское казачество на заре своей истории. Ростов-на-Дону, 1992. С. 100.

13. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 10.
14. *Сватиков С.Г.* Автономия Дона // Донская волна. 1919. № 26 (54). С. 7-9.
15. Материалы для истории Войска Донского. Сборник Области Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1915. Вып. 3. № 13. С. 162.
16. Полное собрание законов Российской Империи. М., 1830-1884.
17. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 113.
18. Пугачевщина. Сборник документов. М.-Л., 1929. № 19. С. 40, 41.
19. Государственная Дума. Созыв 1-й. Сессия 1-я. Стенографические отчеты. Т. 1. СПб., 1906.
20. *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 337.
21. *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. С. 365, 366.
22. *Menning B.W.* A.I. Chemyshv: A Russian Licurgus // Canadian Slavonic Papers. 1988. V. XXX. №2. June. P. 213, 217.
23. *Хлыстов И.П.* Дон в эпоху капитализма. 60-е - середина 90-х годов XIX века. Очерки из истории Юга России. Ростов-на-Дону, 1962.
24. *Родионов И.А.* Тихий Дон. Очерки истории донского казачества. СПб., 1994. С. 52.
25. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Октябрьская революция. Мемуары. М., 1991. С. 25.
26. *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. Новочеркасск, 1915.
27. *Савельев Е.П.* Средняя история казачества. Новочеркасск, 1916.
28. Казачий Дон. Очерки истории. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1995. С. 111.
29. Постановления Донского Войскового Круга. Первый созыв. Новочеркасск, 1917. С. 25.
30. *Крюков Ф.Д.* Войсковой Круг и Россия // Донская волна. 1918. № 16. С. 5.
31. *Калинин ИМ.* Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Ростов-на-Дону, 1991. С. 4.

© С. Маркедонов, 1998